

ДАННА ЛЕДНИВА

КНИГА 2

РАЗВОД

В 45. НАЧНУ СНАЧАЛА

Данна Леднива

**Развод в 45. Начну
сначала. Книга 2**

«Автор»

2026

Леднива Д.

Развод в 45. Начну сначала. Книга 2 / Д. Леднива — «Автор», 2026

Они прожили десять лет. Одно слово — и началась война. Арина и Арсений — идеальная пара. Бизнес, двое детей, дом, десятилетие свадьбы. За праздничным столом она бросает в сердцах: «Я подаю на развод». Он усмехается, но через минуту шепчет ей на ухо: «Ты пожалеешь. Я тебя уничтожу». Утром её счета заблокированы, доступ к бизнесу потерян, а лучшие друзья вдруг становятся свидетелями на его стороне. Развод перерастает в судебную войну, где деньги, репутация и даже дети превращаются в оружие. Арина не знала, что муж готовился к этому два года. Она не знала, что он вывел активы в офшоры и подделал документы. Но теперь она узнаёт слишком поздно — или слишком вовремя, чтобы дать бой.

© Леднива Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Торт и скальпель»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Данна Леднива

Развод в 45. Начну сначала. Книга 2

Глава 1. «Торт и скальпель»

Ресторан выбирали три месяца назад, ещё зимой, когда всё казалось простым: белые скатерти, вид на набережную, шеф-повар, который лично согласовывал каждое блюдо банкетного меню. Арина тогда сидела с планшетом на коленях, listing поставщиков цветов, и думала — вот она, десятая годовщина, круглая дата, символ того, что брак выдержал испытание временем. Сейчас, глядя на этот же зал, залитый тёплым вечерним светом, на сорок с лишним гостей, смеющихся за длинными столами, на официантов, разносящих шампанское, она не могла отделаться от ощущения, что смотрит на декорацию чужого праздника, а не на собственную жизнь.

Торт привезли ровно в девять — трёхъярусный, белый с золотой каймой, и на верхнем ярусе висела надпись кремом, за которую она сама заплатила отдельно кондитеру, настояв на особом шрифте: «10 лет любви». Она смотрела на эти буквы, пока их подкатывали к главному столу, и чувствовала странную, необъяснимую тревогу — будто надпись была не признанием, а эпитафией, которую зачем-то решили подать к чаю.

Она обвела взглядом зал — сорок с лишним человек, которых она лично приглашала, лично сверяла список рассадки, лично звонила каждому, чтобы уточнить пищевые ограничения. Её собственная мать сидела за третьим столом, оживлённо беседуя с кем-то из партнёров Арсения, явно довольная тем, каким успешным получился зять, каким респектабельным вышло это торжество. Арина подумала, что за все приготовления последних трёх месяцев ни разу не спросила себя, чего хочет она сама от этого вечера, — только выверяла детали чужого сценария, где ей досталась роль благодарной, счастливой жены.

Арсений сидел рядом, в идеально сидящем костюме, который она помогала выбирать месяц назад, и улыбался той широкой, отработанной улыбкой, которую он надевал на деловые встречи и семейные праздники с одинаковой лёгкостью. Он поднялся, когда музыка стихла, постучал вилкой по бокалу — знакомый звон, призывающий к тишине, — и зал послушно затих, обращая взгляды на человека, который построил строительную империю с нуля и умел держать внимание любой аудитории.

— Друзья, — начал он, и голос его разлился по залу уверенно, поставленно, как всегда, когда он произносил тосты на публике, — десять лет назад я женился на женщине, которая до сих пор остаётся для меня загадкой. — Смешок в зале, кто-то из гостей одобрительно закивал. — Она сложная. Она эмоциональная. Она иногда сводит меня с ума своими вопросами и своими требованиями. Но знаете что? — Он повернулся к ней, поднял бокал. — Спасибо, что терпишь меня все эти годы, Арина. Не каждая женщина способна на такое терпение.

Зал зааплодировал. Кто-то крикнул «горько», кто-то смахнул сентиментальную слезу, а Арина сидела, чувствуя, как лицо застывает в улыбке, которая давно перестала быть искренней, но которую она натягивала на публике машинально, как маску, снимаемую только дома, да и то не всегда.

Спасибо, что терпишь меня. Не она была героиней этого тоста. Не её любили, не её ценили, не о ней говорили как о человеке, достойном восхищения после десяти лет брака. Говорили о его снисходительности к ней — как будто она была капризным, но в целом милым домашним питомцем, которого он великодушно согласился держать все эти годы, несмотря на неудобства.

Она хлопала вместе со всеми, чокалась бокалом с его бокалом, чувствуя вкус шампанского, внезапно ставший приторным и неприятным на языке, и думала: сколько раз за эти

десять лет он произносил похожие фразы, и сколько раз она пропускала их мимо ушей, списывая на его специфическое чувство юмора, на его неумение говорить о чувствах напрямую, на всё, что угодно, лишь бы не признавать очевидное — что муж видит в ней обузу, которую героически выносит, а не женщину, которую любит.

Праздник продолжался ещё час — тосты сменялись танцами, танцы сменялись новыми тостами, кто-то из партнёров Арсения по бизнесу произнёс длинную речь о его деловой хватке, почти не упомянув Арину вовсе, будто её присутствие в этой истории успеха было чисто декоративным элементом, вроде цветочных композиций на столах.

Она вспомнила, как двенадцать лет назад, задолго до свадьбы, они познакомились на строительной выставке, где она работала пиар-менеджером небольшой архитектурной студии, а он, тогда ещё не миллионер, а просто амбициозный подрядчик с тремя объектами в портфолио, подошёл к её стенду и полчаса расспрашивал не про архитектуру, а про неё саму — какую музыку слушает, о чём мечтает, боится ли высоты. Тогда он умел слушать. Тогда в его глазах, когда он смотрел на неё, читалось настоящее любопытство, а не снисходительная оценка человека, давно решившего, что знает о собеседнике всё наперёд. Куда делся тот мужчина, она не могла сказать точно — исчезновение происходило постепенно, годами, незаметными слоями, как выплывает ткань на солнце, и в какой-то момент она перестала замечать перемену, привыкнув считать нынешнего Арсения единственно возможным.

Она улыбалась, разговаривала с гостями, следила, чтобы официанты вовремя подавали блюда, — исполняла роль идеальной хозяйки вечера, которую исполняла на десятках подобных мероприятий за эти годы, — а внутри что-то медленно, но неотвратимо закипало, поднималось к горлу тугим, душным комом.

Она вышла в дамскую комнату где-то около одиннадцати — под предлогом поправить макияж, а на самом деле просто чтобы несколько минут побыть одной, не улыбаться, не изображать, не тратить силы на роль благодарной жены. Помещение было отделано мрамором, с огромным зеркалом во всю стену и мягким приглушённым светом, который делал даже уставшее лицо привлекательным. Она смотрела на своё отражение — тридцать шесть лет, аккуратная укладка, вечернее платье цвета бордо, выбранное специально для этого вечера, — и не узнавала женщину в зеркале. Не потому что та выглядела иначе, чем обычно. А потому что впервые за долгое время она позволила себе увидеть в этом отражении не жену успешного бизнесмена, а человека, который два года копил внутри что-то, чему до сих пор не давал названия.

Дверь за спиной открылась. В зеркале она увидела Арсения, вошедшего следом, — он тоже, видимо, решил ненадолго покинуть зал, и по его лицу было видно, что он что-то заметил в её поведении за столом, какую-то фальшь в улыбке, которую даже он, при всей своей невнимательности к её внутреннему миру, не мог не считать. Он оглянулся на дверь, будто проверяя, не идёт ли кто следом, и это машинальное движение — контроль обстановки прежде разговора — почему-то задело её больше, чем сами его слова, которые прозвучали через секунду.

— Ты чего дуешься, — сказал он, не спрашивая, а констатируя, привычным тоном человека, который давно решил, что понимает жену лучше, чем она сама себя понимает. — Праздник же хороший получился.

— Ты даже в годовщину, — сказала она, поворачиваясь к нему, чувствуя, как голос начинает дрожать от с трудом сдерживаемого напряжения, — говоришь про мою терпимость. Не про меня. Про то, что я тебя терплю. Ты хоть понимаешь, как это прозвучало перед всеми нашими друзьями?

Он нахмурился, явно не понимая, о чём вообще идёт речь, — искреннее, неподдельное недоумение человека, который сказал то, что казалось ему абсолютно нормальным, даже комплиментарным.

— Я сказал правду, — ответил он, пожимая плечами. — Ты действительно сложная. Я действительно терплю многое ради нашей семьи. Что тут обидного?

— Обидно то, что за десять лет ты ни разу не сказал, что любишь меня, — сказала она, и голос сорвался на этой фразе, выдав то, что копилось внутри слишком долго, чтобы удержать его в рамках спокойного, взрослого разговора. — Ты говоришь про мою эмоциональность, про мою сложность, про то, что тебе приходится со мной справляться, как будто я диагноз, а не жена. Ты хоть представляешь, каково это — слушать такие тосты на глазах у сорока человек?

— Ты слишком эмоциональна, — сказал он тем же ровным, чуть снисходительным тоном, каким обычно разговаривал с младшими сотрудниками, допустившими незначительную ошибку в отчёте. — Вот именно об этом я и говорил в тосте. Ты сейчас раздуваешь из мухи слона на ровном месте.

И вот тогда что-то внутри неё окончательно оборвалось — не взорвалось резко, а именно оборвалось, как перетянутая струна, которая держалась на честном слове слишком долго.

— Я подаю на развод, — сказала она.

Она сказала это не потому, что тщательно обдумала решение заранее, не потому, что готовилась к этому разговору неделями, — она сказала это в порыве, в тот самый момент, когда усталость от двух лет копившегося внутри одиночества внутри собственного брака нашла наконец выход в словах. Она сказала это как выдох, как единственную фразу, способную хоть немного облегчить давление в груди.

Арсений посмотрел на неё, и на его лице отразилось не потрясение, не боль, даже не гнев — а нечто гораздо более пугающее в своей холодности: лёгкая, почти снисходительная усмешка, будто она сказала какую-то нелепость, детскую угрозу, не заслуживающую серьёзного отношения.

— Хорошо, — сказал он спокойно, поправляя манжету рубашки. — Обсудим это завтра, когда ты успокоишься.

И он развернулся, вышел из дамской комнаты обратно в зал, к гостям, к музыке, к своей роли радушного хозяина праздника, будто ничего не произошло, будто жена не только что впервые за десять лет произнесла вслух слово «развод».

Арина осталась стоять у зеркала одна, глядя на своё отражение, чувствуя, как колотится сердце, как дрожат руки, которые она сцепила перед собой, пытаясь унять эту дрожь. Она понимала — понимала с ужасающей, отрезвляющей ясностью, — что только что произнесла вслух правду, которую до этого момента прятала даже от самой себя, стараясь не признаваться, насколько глубоко она несчастна в собственном браке, насколько давно перестала чувствовать себя любимой, а не терпимой, ценной, а не удобной.

Она вернулась в зал минут через десять, стараясь, чтобы лицо выглядело спокойным, чтобы никто из гостей не заметил, что что-то случилось. Праздник продолжался своим чередом — разрезание торта, новые тосты, слайд-шоу с фотографиями за десять лет брака, которое она сама монтировала неделю назад, наивно веря, что готовит подарок к счастливой годовщине, а не эпитафию отношениям, которые, как оказалось, давно исчерпали себя изнутри.

К концу вечера, когда гости начали расходиться, обмениваясь объятиями и обещаниями встретиться скоро, Арсений подошёл к ней сзади — она стояла у гардероба, помогая одной из пожилых родственниц найти пальто, — и взял её за руку так крепко, что ногти впились в кожу.

— Ты пожалеешь, — прошептал он ей на ухо, наклонившись близко, так, чтобы никто из посторонних не расслышал этих слов, но достаточно отчётливо, чтобы каждое слово впечаталось в её память навсегда. — Я тебя уничтожу.

Он произнёс это тем же ровным, почти будничным тоном, каким обычно обсуждал условия строительных контрактов, — без крика, без видимой ярости, что почему-то делало угрозу только страшнее. Он отпустил её руку, улыбнулся проходящим мимо гостям, попрощался с последними уходящими парами тем же лучезарным, гостеприимным тоном хозяина праздника, которым разговаривал весь вечер.

Арина стояла у гардероба, потирая запястье, на котором уже начинали проступать бледные следы его пальцев, и смотрела на мужчину, с которым прожила десять лет, родила двоих детей, построила общий бизнес и общий дом, — и впервые за всё это время видела перед собой не мужа. Не партнёра, не отца своих детей, не человека, которого когда-то любила настолько сильно, что была готова простить любые его недостатки.

Она видела врага.

И где-то глубоко внутри, за пеленой шока и растерянности от произошедшего, зарождалось новое, незнакомое прежде чувство — не страх, хотя страху тоже нашлось место, а холодная, ясная решимость, которая с этой секунды начинала определять всё, что должно было случиться дальше.

Домой они ехали в одной машине — молча, каждый глядя в своё окно, будто чужие люди, которых случайно посадили рядом в такси. Водитель, нанятый на вечер, о чём-то бодро рассказывал о пробках, не замечая или старательно игнорируя ледяную тишину на заднем сиденье. Арина смотрела на мелькающие за окном огни ночного города и думала о том, что произошедшее в дамской комнате уже не отменить простыми извинениями, что произнесённое вслух слово «развод» и услышанная в ответ угроза не растворятся сами собой к утру, как бы сильно она сейчас ни хотела, чтобы этот вечер оказался страшным сном.

Дома, поднявшись к себе в спальню, пока Арсений задержался внизу с телефоном, она долго стояла перед зеркалом в ванной, снимая макияж, и разглядывала бледный след на запястье, оставленный его пальцами. Не сильный, не оставляющий синяка, — но достаточно ощутимый, чтобы напомнить: слова «я тебя уничтожу» не были случайной фразой, брошенной в запале. Она знала своего мужа двенадцать лет. Она знала, что он никогда не говорил ничего просто так — каждое его слово, каждый жест были частью какого-то расчёта, даже когда казались спонтанными.

Она легла в постель одна — он остался в кабинете, судя по свету, пробивавшемуся из-под двери, — и долго лежала без сна, глядя в потолок, прокручивая в голове весь вечер заново: тост, дамскую комнату, его усмешку, его шёпот у гардероба. Где-то к трём часам ночи она поняла, что не хочет забирать свои слова обратно. Впервые за два года она произнесла то, что действительно чувствовала, — и, как бы страшно ни было то, что за этим могло последовать, отступить назад казалось ещё страшнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.